

принимать как ограничение действительности божественной сущности, даже внутри нее, как было бы, если бы атрибут «могущество» отличался в Нем от атрибутов «разум» и «воля»; оно должно соотносываться с ними. Здесь Оккам, вне всякого сомнения, глубочайшим образом согласен с Дунсом Скотом, своим излюбленным противником. Оба они желают избежать одной и той же опасности. Они все время помнят о Боге Аверроэса, который предстает у него как Чистый Интеллект, и о Боге Авиценны — Боге, воля которого обязательно подчиняется закону его разума. Бог, которого они отстаива-

ют, — это Яхве, который не подчинен ничему, даже идеям. Чтобы освободить Его от этой необходимости, Дунс Скот подчинил идеи Богу настолько жестко, насколько он мог это сделать, не доходя до того, чтобы объявить их сотворенными. Оккам решает проблему по-другому — вовсе устраняя идеи. Здесь он далеко превосходит Абельера который, напротив, дал идеям привилегию познания Бога. Оккам устраняет реальность универсалий даже в Боге. Именно потому, что в Боге нет идей, нет и универсального в вещах. Почему бы ему там быть? То, что называют «идеями», есть не что иное, как сами вещи, которые может сотворить Бог («ipsae ideae sunt ipsaemet res a Deo producibiles»). Было справедливо замечено, что Оккам сохраняет это слово, но устраняет предмет: «Оккам еще говорит об идеях, но историк должен объяснить, что для него — поскольку Бог предельно прост — нет божественных идей. Сущность Бога не является, таким образом, ни источником идей, как для Дунса Скота, ни их вместилищем, как для св. Фомы. Здесь, если так можно выразиться, обнаруживается личность окканистско-го Бога, отличающаяся от личности Бога томистской и Бога у Дунса Скота, а также от Бога картезианского, предельно простого, но сущностно активного: «causa sui»*. Бог дан и сразу дан как всеведущий: «ex hoc ipso quod Deus est Deus, Deus cognoscit omnia»** (П. Виньо). Вселенная, где даже в Боге между его сущностью и творениями не возникает умопостигаемой необходимости, является чем-то заведомо случайным не только в своем существовании, но и в своей умопостигаемости. Нечто, разумеется, происходит в ней тем или иным образом, регулярно и повторяясь, но это только состояние вещей. Нет ничего, что, если бы Бог пожелал, не могло быть иным. Оппозиция Оккама греко-арабскому нецесситаризму находит свое совершенное выражение в радикальной «случайности», которая заключается в рассмотрении проблем с точки зрения абсолютной власти Бога. В греческом мире первопричины могли про-

495

3. Уильям Оккам

изводить свои конечные результаты только через последовательность промежуточных причин: Перводвигатель воздействует на нас только через последовательность ряда отдельных интеллигенции; в христианском мире Оккама «quicquid potest Deus per causam efficientem mediatam, hoc potest immediate»*. В греческом мире существование следствий необходимо связано с существованием причин; в христианском мире Оккама достаточно того, чтобы две вещи были различны, и Бог сможет дать существование одной без другой. В подобном универсуме метафизическое подозрение постоянно парит над реальностью всех событий и всего того, что представляется связями между ними. Может возникнуть чисто спекулятивное сомнение, не воздействующее, впрочем, на привычное течение жизни, но отнюдь не «гиперболическое»

в том смысле, в каком поймет его Декарт,

ибо оно вовсе не временно, и у Оккама нет